

ВСЕ ТЕЧЕТ НА КРУГИ СВОЯ

«Все течет...» называлась самая дерзкая повесть Василия Гроссмана. И его бурная и внезапная слава, казалось, улетела по разломам российской жизни. Давно ли мой знакомый, болгарский аспирант, перегонял роман «Жизнь и судьба» на микропленку, потому что Тодор Живков не допускал «Октябрь» в Болгарию. «Да он помрет скоро!» — утешала я. «Он, в отличие от ваших, ведет экологический образ жизни, у него на всех дачах реанимационные отделения!» — злобно отвечал мне Андрей Атанасов, хороший, интеллигентный мальчик. А все наши сколько-нибудь значимые критики писали по поводу «Жизни и судьбы» все умное, что могли придумать.

И давно ли повесть «Все течет...» рискнул напечатать все тот же «Октябрь», предпослав ей блистательную, однако до миллиграмма выверенную статью самого умного моего однокурсника, вольнодумца, однако марксиста, и он осторожно попенял Василию Семеновичу, что о Ленине он, право, слишком резко...

И, опять же, давно ли сняли с полки фильм «Комиссар», о котором шло столько глухих разговоров, и все вокруг восхищались, а я раздраженно думала, что у Гроссмана в его первом рассказе «В городе Бердичеве» все не так, и зовут героев иначе, и сам дух рассказа другой, а в кино все договорено, выпрямлено, неужели Василий Семенович не мог додуматься до банальностей, которые есть в фильме, зачем было додумывать то, чего он сам додумывать не считал нужным. И если у него в рассказе толстая Белла — не нужно превращать ее в сексапильную Марию.

А дальше я перестала понимать то, что происходит. Журнал «Знамя» напечатал армянские очерки Гроссмана «Добро вам!» и несколько его рассказов — «На вечном покое», «Фосфор», «В большом кольце». У меня дух захватило: оказывается, Гроссман только начинается. Какой мощный рывок в глубину, какая неожиданная способность живописать, передавать в слове предельно жизни. Я тогда подумала: всеми отмечаемая сухость письма Василия Гроссмана, вероятно, не есть особенность его стиля, а есть особенность его реализма. Вот судьба забросила его в Армению, в мир яркий и живописный — и Гроссман таким его и нарисовал. Он не польстил армянам (а вы попробуйте им не польстить, я там была, писала, знаю). Но лучше, внимательнее, душевнее никто из посторонних об Армении не написал. Хотите полюбить (то есть понять) Армению — прочтите сначала Битова, а потом Гроссмана. Как говорится в рекламе, почувствуйте разницу. Я думала тогда: если бы Гроссмана с самого начала жизнь привела в Армению, а не на самую глубокую шахту Донбасса — может, с первых шагов заявил бы он о себе как о гении. Сколько же в нем было заложено, если одновременно он писал очерки об Армении, разоблачительную, бескомпромиссную повесть «Все течет...» (впервые о голоде 33-го года, тогда это казалось главным) и рассказ «Несколько печальных дней». Мне кажется, что если бы Чехов жил одновременно с Гроссманом, он написал бы этот рассказ — о том, как люди слабы и бессердечны, сильны и отчаянно несчастны. И про всех все ясно. И никого автор не осудил. И, конечно, выживает самая несчастная из всех, Анна Гермогеновна, интеллигентная старуха, знавшая Короленку, у которой одного сына посадили, другой только что умер, один внук умственно отсталый, двое других сироты. Анна Гермогеновна больше всего на свете хочет умереть, но она не может позволить себе такой роскоши.

А когда журнал «Знамя» напечатал рассказ «На вечном покое», знаменитый роман «Жизнь и судьба» вдруг показался мне таким... многословным? Банальным? Да как я смею даже думать так о книге, которую арестовали! Которая, в конце концов, убила своего автора! Однако маленький рассказ о Ваганьковском кладбище показался мне чем-то сверхплотным по духовной значимости. Я метнулась, дабы понять, к Льву Толстому, и тут же шархнула обратно, ибо кто же не сравнивал с Толстым Василия Гроссмана? А надо бы свести их именно сейчас, когда они об одном говорят.

И так странно было, что промолчали на этот раз умные критики и не завопили ребята из «Нашего современника», призывая волочь Гроссмана на лобное место. Слово ничего не произошло. Тогда как раз началось щебетание по поводу метаметафористов.

Пять лет прошло — и унесли внешние воды времени позднюю, посмертную славу Василия Гроссмана. И уже не скрывают интеллигентные люди, что читать им больше неохота. Разве что — иногда — крутой детективчик, триллер или эротику. Или скандальные какие-нибудь мемуары. Никто

не вспоминает «Бобок» Достоевского с призывом из могилы: «Заголимся, обнажимся». А уж тем более позднюю прозу старого писателя, которого в конце концов, кажется, одно волновало: ну вот живет человек, а зачем? Столько мучились люди в предыдущие десятилетия. Сейчас — хорошо им? И кто они?

Меньше всего похожа проза позднего Гроссмана на наркотик, на нас возвышающий обман. Человек серьезный, он, стяхнув пути идеологии, маялся вечными проблемами. Но может, они к концу XX века устарели?

Издательство «Слово/Slovo», слава Тебе, Господи, выпустило сборник поздней прозы Гроссмана. Такой скромненький, коричневым переплетом, жутко советский по оформлению. Тут и «Все течет...», и «Добро вам!», и поздние рассказы, и даже не очень поздние, такие, как «Авель», «Тиргартен». Они были написаны в середине 50-х годов. В них еще очень много «совка». Но не торопитесь, умоляю вас, не бросайте книжку, дочитайте в том же «Авеле» до места, где написано, как шестого августа в Хиросиме четырехлетний япончик «проснулся на рассвете и протянул толстые руки к бабушке. В полутьме за спущенными занавесками он видел ее седые волосы и золотой зуб. Ее узкие слезящиеся глаза улыбались среди темных морщин. Мальчик знал, что он доставляет бабушке столько радости — ей приятно, проснувшись, увидеть внука. А сегодня день особенно хорош. У мальчика наладился желудок, ему предстояло попробовать кое-что получше, чем жиденький рисовый отвар.

Так ни этот мальчик, ни его бабушка, ни сотни других детей, их мам и бабушек не поняли, почему именно им причитается за Пирл-Харбор и за Освенцим. Но политики, философы и публицисты в данном случае не считали эту частную тему актуальной». Сам-то Гроссман чем дальше, тем больше именно эту частную тему считал самой важной. Так сегодня выступления Солженицына кажутся «политикам, философам и публицистам» такой же «частной темой». В Думе выступал — почти не хлопали. Вот так же «не хлопают» сегодня Василию Гроссману: предложенные им пути ведут к Евангелию, к десяти заповедям.

Когда-то друг его — великий, величайший писатель XX века Андрей Платонов говорил: «Вася, да ты Христос!»

Однако Гроссмана от нашего к нему нынешнего невнимания, право же, не убудет. Он сам писал — о Платонове, не о себе, конечно: «Время — генеральный прокурор в делах о незаслуженной литературной славе. Но время — не враг истинным ценностям литературы, а разумный и добрый друг, спокойный и верный их хранитель».

Перечитывая сборник «Все течет...», я думаю: не надо было начинать с «Авеля», лучше бы с «Добро вам!». Не надо было бы включать столько рассказов о животных — Гроссман, как всякий писатель, неровен, всечеловечность у него иногда переходит в sentimentalность. Я бы оставила, пожалуй, только «Собаку» — о том, как вопреки ученым прогнозам, отправленная в космос собачка вернулась, а тот, кто послал ее — «Жутко во Вселенной воет одинокая собака», — увидел ее глаза, «туманные непроницаемые глаза убогого существа с помутившимся разумом и покорным любящим сердцем».

Даже «Тиргартен» мне хочется убрать. Хотя где тогда люди прочтут о том, что случилось с ними в нашем веке: «Раньше выживали те, у кого хорошая шуба, слой жира, процветали красивые, те, у кого пышная окраска, богаче оперение. Но ныне установлен новый, сверхистребительный закон отбора, более жестокий, чем морозы, муки голода и борьба за любовь; теперь выживают голые, серые, лишённые шерсти и меха, с вонючим мясом, без красок... Вот это отбор! Он направлен на гибель всего живого. Хорьков надо причислить к лику святых». Гениальная формула Гроссмана — «обратная селекция» — из этого же рассказа.

Купите эту книгу вы, люди, умеющие читать. Начните с армянских очерков. Потом прочтите «На вечном покое». А дальше — по настроению. Этой книжки вам надолго хватит. И пусть себе все течет. Прочитав позднего Гроссмана, вы утвердитесь в том, что и так знаете: что десять заповедей никто не отменял. Да и кому их отменять? Ведь это может сделать лишь тот, кто заповедал.

Т.БЛАЖНОВА.

Гроссман В. Все течет: поздняя проза. — М.: «Слово/Slovo», 1994. — 377 с. 10 000 экз. (п)

